или даже отменять информацию, передаваемую лексическими или грамматическими средствами. Как ритм она формируется всеми языковыми средствами и оказывает воздействие на реализацию произносительных признаков единиц низших уровней. Единицы интонационной системы являются необходимой составляющей при отборе содержания иноязычного произношения.

Коммуникативная неадекватность навыков произносительной речи означает сбой в реализации коммуникативной или прагматической функции речи. Основной причиной коммуникативной неадекватности формируемых навыков является ориентированность обучения иноязычному произношению на формальные признаки. Можно утверждать, что обучение иноязычному произношению нельзя ограничивать упражнениями в нормативности озвучивания иноязычных фраз. Навыки иноязычного произношения являются неотъемлемым комплексом прагматического и стратегического аспектов речевой способности, их формирование требует более широких контекстов и большего разнообразия сопутствующих интеллектуальных действий, чем те, с которыми учитель имеет дело на уроке. Формирование комуникативно адекватных навыков ИП, способных функционировать в речи в качестве инструментов речевых стратегий, не может опережать становление самих речевых стратегий. Приоритет одного из аспектов иноязычной речевой способности, может привести к дисбалансу всей структуры учебной деятельности. Обучение ИП должно обеспечивать формирование произносительных навыков в рамках гармоничного развития всех аспектов речевой способности.

Литература

1. *Миролюбов, А.А.* Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / А.А. Миролюбов. – М., 2010.

2. Примерные программы по учебным предметам. Иностранный язык. 5 – 9 классы. – М., 2010.

3. *Пассов, Е.И.* Коммуникативный метод обучения иностранному говорению / Е.И. Пассов. – М., 1991.

4. *Репникова, Л.Н.* Методика отбора интонационного материала для обучения говорению и чтению вслух в курсе второго иностранного языка: автореф. дис. … канд. пед. наук / Л.Н. Репникова. – М., 1988.

5. *Соколова, М.А.* Практическая фонетика английского языка / М.А. Соколова, К.П. Гинтовт. – М., 2001.

6. *Kelly, Gerald* How to teach pronunciation / Gerald Kelly. – London, 2004.

УДК 812

Г.С. Прохоров

СОБЫТИЕ В МИРЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Настоящая статья посвящена изучению эстетической событийности в мире «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского на примере его публицистического фрагмента «Фома Данилов, замученный русский герой». Мы показываем, как Ф.М. Достоевский последовательно трансформирует реальный, исторический факт в эстетическое событие. Автор уходит от фактически известного и конструирует вокруг героя «ситуацию неопределенности», момент выбора героем своей судьбы. Рядом с исторической последовательностью фактов возникает ее эстетическая вариация, сконструированная автором.

Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя», художественная публицистика, событие.

The article is devoted to the study of aesthetic events in F.M. Dostoevsky's “Writer's diary” on the example of his journalistic fragment “Foma Danilov, the tormented Russian hero”. The author shows how Dostoevsky transforms a real historic fact into the aesthetic event. The author goes from the famous and constructs "the situation of uncertainty" around the hero, the moment of hero’s choice of his own fate. Aesthetic variation, designed by the author appears next to the historical sequence of facts.

F.M. Dostoevsky, Writer's diary, art journalism, event.

За почти столетнюю историю изучения выработалась традиция, согласно которой внутренний стержень «Дневника писателя» – исторический факт: «Факт и документ становятся основой творческой мысли Достоевского, что отчетливо проявилось в одном из самых оригинальных его созданий – “Дневнике писателя”» [11, с. 89]. Согласно указанной традиции, в этом моножурнале нашли свое воплощение личные впечатления Ф.М. Достоевского, вызванные столкновением писателя с окружавшей его исторической действительностью. Эти впечатления классифицировались, обобщались и, в конечном счете, отлились в индивидуальную концепцию России 1870-х гг., свойственную писателю: «“Столетняя”, “Мужик Марей” – художественные иллюстрации к мыслям о народе и его идеалах; „Мальчик у Христа на елке“ – вставлен Достоевским в его публицистический трактат о городских, беспризорных детях и их воспитании» [5, с. 327], [17, с. 81 – 82]. А потому О.Ф. Миллер, В.Ф. Переверзев, В.А. Десницкий, В.С. Нечаева, Д.В. Гришин, Т.В. Захарова и т.д., показывали, как на страницах моножурнала нашли свое непосредственное воплощение личные социально-политические взгляды Ф.М. Достоевского: «Не буду говорить здесь о нескончаемых противоречиях “Дневника”, в которых отразились его <Достоевско-

го> неуверенность и колебания на этот <Россия и Запад> счет. <...>. Достаточно будет отметить то кардинальное противоречие, которое проникает собой всю его публицистическую деятельность. Читатель уж должен был заметить, что отрицательное отношение к Западу не является у Достоевского абсолютным. Моментами он доходит до восторженного преклонения перед ним» [4, с. 7], [5, с. 326 – 328], [6, с. 34], [7, с. 290], [11, с. 89], [18, с. 204], [20, с. 323 – 324]. В этом регулярном приближении «Дневника писателя» к концептуально-дескриптивному явлению становится важной проблема художественно-публицистической границы и значения сюжетной событийности для описания указанной границы.

Исторический факт, теоретическая концепция – явления принципиально несобытийные; «несобытийные» – в значении, показанном М.М. Бахтиным, например, в его ранней работе «К философии поступка»: «Теоретический мир получен в принципиальном отвлечении от факта моего единственного бытия и нравственного смысла этого факта, “как если бы меня не было”...» [2, с. 13]. В указанном аспекте и исторический факт, и любая теоретическая концепция противостоят сюжету, который, – как раз, принципиально событиен, будучи непосредственной чередой *поступков*, раскрывающих активное присутствие личности в мире: «...эстетическое бытие ближе к действительному единству бытия-жизни, чем теоретический мир, поэтому столь и убедителен соблазн эстетизма. В эстетическом бытии можно жить,[1] и живут, но живут другие, а не я...» [2, с. 21]. Решая проблему документальности «Дневника писателя» (и шире – проблему документальности т.н. художественно-публицистических образований), необходимо выяснить, насколько «публицистические» фрагменты «Дневника писателя» (и подобных ему произведений) событийны.

Для иллюстрации проблемы и способа ее разрешения обратимся к такому фрагменту «Дневника писателя», как «Фома Данилов, замученный русский герой» (3-я часть январского выпуска за 1877 г.). В первом приближении этот фрагмент вполне соответствует жанровому канону очерка, выработанному теорией журналистики. Конечно, очерк и близкий ему фельетон журналистика рассматривает как художественно-публицистические жанры, как формы, к которым применимо понятие «двойной подсудности» [10, с. 245]. Тем не менее, художественность подобных явлений, с точки зрения теории журналистики и публицистики, заключена в «упаковке»: «Фельетон не перестает быть фельетоном благодаря литературной обработке факта. Эта обработка придает факту объемность, зримость, делает его наглядным, убедительным для читателя» [14, с. 67], [21, с. 47, 50 – 51]. Художественность очерка или фельетона – это скорее не подлинная художественность, а *живописность*, нисколько не подрывающая эмпирический статус отраженных событий. Очерк описывает реальные факты; сколь очерк ни был бы красив, он, в отличие от произведений художественных, никогда не порождает другую реальность, иной мир: «Задача фельетониста значительно шире: он должен не просто описать какое-либо событие, но дать ему свое толкование. При этом *толкование* факта *в форме* художественных образов имеет такое же право на существование, как и толкование его в форме прямых авторских оценок. Разумеется, фельетонист не может выходить за пределы факта» [14, с. 66]. А потому субъект очерка – это не персонаж, а человек, взятый из реальной жизни: «Очеркист ищет *в жизни непосредственно* личность, которая воплощает в себе основные типические черты своего времени. Героем очерка может стать любой: журналист, экономист, политик, актер, повар, производственник и пр<очее>, тот, кто является явным представителем своей среды» [1, с. 30].

Таковым человеком из жизни, к опыту которого Ф.М. Достоевский обращается как к аргументу в собственном споре с «циниками и премудрыми» 1870-х гг., кажется, можно и должно видеть Фому Данилова: «...послушайте, господа, знаете ли, как мне представляется этот темный безвестный Туркестанского батальона солдат? Да ведь это, так сказать, – эмблема России, всей России, всей нашей народной России, подлинный образ ея...» [9, с. 14]. Используемые здесь выразительные средства (например, вводный риторический вопрос «Нет, послушайте, господа, знаете ли, как мне представляется...») – хорошо укладывается в очерковый канон [19, с. 30].

Однако в сюжетном пространстве «Дневника писателя» автор обращается к жизни Фомы Данилова не как к факту, на основе которого легко сформулировать удачный и нужный публицисту аргумент в его общественно-политическом споре. Автор обращается к жизни Фомы Данилова как к непосредственному, личному, уникальному подлинно человеческому бытию. Журналистский жанр очерка исполняет здесь скорее роль «первичного жанра» [3, с. 161], на основе которого формируются несвойственные очерку эстетические категории: литературный герой, сюжет, возникает внутренний мир.

Центральная ситуация фрагмента и главные события его выстроены – и это неподдельно важно – в зоне неизвестного: свидетелей смерти Фомы Данилова не было. На отсутствии свидетелей автор специально фокусирует внимание читателей, вводя даже несколько сомнительную[2] фразу: «Я думаю, что

[1] «Наивный реализм близок к истине, поскольку не строит теорий, его практика могла бы быть сформулирована: живем и действуем мы <в> реальном мире, а мир нашей мысли – его отражение, имеющее техническую ценность, реальный мир только отражает мысль, но сам он не мыслится в своем бытии, *а есть*, и мы сами со всеми нашими мыслями и содержанием их в нем есмы, в нем живем и умираем» [2, с. 14].

[2] Утешение, испытываемое святым древности от мысли, что его смерть послужит примером и привлечет верующих, сомнительно, поскольку подобная мысль содер-

иные великомученики, даже из первых веков христианских, отчасти все же были утешены и облегчены, принимая свои муки, тем убеждением, что смерть их послужит примером для робких и колеблющихся и еще больших привлечет к Христу. Для Фомы даже и этого великого утешения быть не могло: кто узнает, он был один среди мучителей» [9, с. 16].

Несмотря на отсутствие свидетелей, автор фрагмента знает о предмете изображения все, вплоть до мельчайших движений души Фомы Данилова, вплоть до внутренней речи последнего: «Был он еще молод, там где-то у него молодая жена и дочь, никогда-то он их теперь не увидит, но пусть: “где бы я ни был, против совести моей не поступлю и мучения приму”, – подлинно уж правда для правды, а не для красоты» [9, с. 16]. Откуда такие личностно глубинные детали известны Ф.М. Достоевскому? А они Ф.М. Достоевскому и не известны: они им порождены – где-то в текстовом пространстве фрагмента очеркист превращается во всеведующего повествователя. Рядом с исторической фигурой замученного в Туркестане солдата Фомы Данилова оказывается вариация, созданный автором-творцом герой.

Подобно тому, как в художественном произведении автор-творец «завершает» героя, в рассматриваемом фрагменте Ф.М. Достоевский творчески обрамляет жизнь человека. Как и в художественных произведениях, прием, организующий эстетическое завершение, – отбор тех жизненных событий, которые попадают в читательский кругозор, и их «восполнение» автором. Автор мог бы сосредоточиться на обстоятельствах пленения, на неспособности государства защитить жизнь своего подданного и солдата, на жизни в плену, на предсмертных мучениях. Однако он концентрирует повествователя строго на одной единственной линии – моменте избрания мученической кончины. Повествователь показывает обстоятельства, противостоящие такому выбору: личные (жена, дочь, собственная молодость), возможность по-тихому, без общественной огласки изобразить смирение и избежать смерти («Приму-де ислам для виду, соблазна не сделаю, никто не увидит, потом отмолюсь, жизнь велика, в церковь пожертвую, добрых дел наделую» [9, с. 16].[1] Наконец, повествователь не утаивает невоцерковленность героя: «...в свое время не прочь был погулять, выпить, может быть, даже не очень молился, хотя, конечно, Бога всегда помнил» [9, с. 15]. Все эти восполненные автором-творцом обстоятельства формируют иную реальность, в которой и только в которой мученическая смерть никак не есть результат случайного стечения обстоятельств, но только лишь подлинное событие жизни-бытия героя – «перенесение персонажа через границу семантического поля» [16, с. 282]. В этом событии и сопутствующем событию выборе находит, вопреки жизненным акциденциям, свое полное воплощение Фома Данилов: «И вот вдруг велят ему переменить веру, а не то – мученическая смерть. При этом надо вспомнить, что такое бывают эти муки, эти азиатские муки! Пред ним сам хан, который обещает ему свою милость, и Данилов отлично понимает, что отказ его непременно раздражит хана, раздражит и самолюбие кипчаков тем, “что смеет, дескать, христианская собака так презирать ислам”. Но, несмотря на все, что его ожидает, этот неприметный русский человек принимает жесточайшие муки и умирает, удивив истязателей» [9, с. 15 – 16]. Перед нами отчетливая нацеленность повествователя не на формулировку некоего «урока», вытекающего из исторической ситуации общего смысла, а на воссоздании в случившемся живой событийности, глубоко личностного выбора, личностного поступка, в котором подлинно: «...единственное бытие-событие уже не мыслится, *а есть*, действительно и безысходно свершается через меня и других <...>. Единственную единственность нельзя помыслить, но лишь участно пережить» [2, с. 16 – 17].

Вопреки жанровой традиции очерка, Ф.М. Достоевский входит в исторический факт и... «расшивает» последний. Писатель рисует тот самый эмпирически неизвестный миг, в который перед читателем возникает находящийся в ситуации выбора герой. Тем самым автор возвращает событийность историческому, абстрактному факту. Это – воссоздание момента не истории (Historie), а живого, текущего бытия (Geschichte), в котором живут и герои, и люди, в котором они принимают решение. Исторический миг превращается в эстетический объект, однако, в эстетический объект, тесно связанный с бытием, «отловленный» в самом бытии. В свете *лика* (ср.: [12, с. 8]) Фомы Данилова (даже если он всего один, а он, что из истории очевидно, не один) комично несостоятельны общие суждения: «...наш народ <считают> хоть и добродушным и даже очень умственно-способным, но все же темной стихийной массой, без сознания, преданной поголовно порокам и предрассудкам, и почти сплошь безобразником» [9, с. 15]. Такая концепция разбивается не противоположной концепцией (нет, концепции могут выстраивать аргументы и контраргументы до бесконечости – и такую ситуацию «спора» очень хорошо знает «Дневник писателя»), она разбивается о телесную истину воссозданного автором лика Фомы Данилова. Если и впрямь простой человек способен осознанно пожертвовать собой ради своих идеалов и в этом активном самопожертвовании обрести свой подлинный лик, то какой-то ничтожно малой мелочью становится незнание героем самих слов типа «жертва», «лик», «идеал»: «О, конечно, мы образованнее его, но чему мы, однако, научим его – вот беда! Я, разумеется, не про ремесла говорю, не про технику, не про математические знания, – этому и немцы заезжие по найму

жит в себе оценку своей жизни как святой и, следовательно, вводит в соблазн гордыни. Ср. «Осознав свою святость, он <человек святой жизни> тем самым лишился всех своих заслуг <...>: грех победил, лукавый змий отуманил борца гордыней» [12, с. 227].

[1] Важно, что возможность формально принять чужие нормы, а впоследствии отказаться от них при удачном стечении обстоятельств – это реальная альтернатива выбору Фомы Данилова. Это – путь, который примерно в те же самые годы избрал Очарованный странник Н.С. Лескова: «...двух жен опять взял, а больше не принял, потому что если много баб, так они хоть и татарки, но ссорятся, поганые, и их надо постоянно учить» [15, с. 262].

научат, если мы не научим, нет, а мы-то чему?» [9, с. 17]. «Культурные слова» и подобными ему людьми не сказаны Фомой Даниловым, но действенно утверждены (правда, чтобы увидеть это действенное утверждение и нужен восполняющий и завершающий взгляд писателя).

Таким образом, «Дневник писателя» не отражает одностороннее движение от исторического факта к авторской концепции, живописно выраженной. Его сюжет – радикальное движение в глубь единичного, «готового» случая. Автор «расшивает» случившееся, оживляет его участников и предлагает читателю вновь и вновь поприсутствовать в момент выбора, единожды совершенного героем и необратимого в его непосредственной, человеческой жизни-бытии. Автор оборачивает ось времени; он последовательно обращает читателя к событийности, к тому, что в реальном бытии человек утверждает себя поступками, а, совершая их, неминуемо расплачивается своей жизнью. Этот момент возвращенного события впоследствии превращается в эстетический объект, возвращающий концептуально-трафаретному миру полноту и заставляющий задуматься о том, что являет собой окружающий нас мир в своей «конечной» сущности: «...проследите иной, даже вовсе и не такой яркий на первый взгляд факт действительной жизни, – и если только вы в силах и имеете глаза, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира. Но ведь в том-то и весь вопрос: на чей глаз и кто в силах? Ведь не только чтоб создавать и писать художественные произведения, но и чтоб только приметить факт, нужно тоже в своем роде художника» [8, с. 327].

Литература

1. *Антонова, В.И.* Художественно-публицистические жанры в газетной периодике / В.И. Антонова. – Саранск, 2003.
2. *Бахтин, М.М.* К философии поступка // М.М. Бахтин Собр. соч.: в 7 т. / под ред. С.Г. Бочарова, Н.И. Николаева. – М., 2003. – Т. 1.
3. *Бахтин, М.М.* Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин Собр. соч.: в 7 т. / под ред. С.Г. Бочарова, Л.А. Гоготишвили. – М., 1997. – Т. 5.
4. *Гришин, Д.В.* Дневник писателя Ф.М. Достоевского / Д.В. Гришин. – Мельбурн, 1966.
5. *Десницкий, В.А.* Публицистика и литература в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // В.[А.] Десницкий На литературные темы. – Л.; М., 1933.
6. *Дмитриева, Л.С.* О жанровом своеобразии «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: (к проблеме типологии журнала) // Вестник Московского университета: Серия Журналистика.– М., 1969. – № 6. – С. 25 – 35.
7. *Долинин, А.С.* Последние романы Достоевского / А.С. Долинин. – М.; Л., 1964.
8. *Достоевский, Ф.М.* Дневник писателя за 1876 г. // Ф.М. Достоевский Полное собр. соч. – СПб., 1911. – Т. 20.
9. *Достоевский, Ф.М.* Дневник писателя за 1877 г. // Ф.М. Достоевский Полное собрание сочинений. – СПб., 1895. – Т. 11. – Ч. 1.
10. *Журбина, Е.И.* Повесть с двумя сюжетами: О публицистической прозе / Е.И. Журбина. – М., 1979.
11. *Захарова, Т.В.* «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского как художественно-документальное произведение / Т.В. Захарова // О художественно-документальной литературе. – Иваново, 1972.
12. *Карсавин, Л.П.* О личности / Л.П. Карсавин // Commentationes ordinis philologorum universitati Lituanaelibi, Vol. III. – Kaunas, 1929.
13. *Карсавин, Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII – XIII веках, преимущественно в Италии / Л.П. Карсавин. – Прага, 1915.
14. *Кройчик, Л.Е.* Современный газетный фельетон / Л.Е. Кройчик. – Воронеж, 1975.
15. *Лесков, Н.С.* Очарованный странник // Н.С. Лесков Собр. соч.: в 12 т. – М., 1989. – Т. 2.
16. *Лотман, Ю.М.* Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М., 1970.
17. *Любятинская, У.С.* Исторические воззрения [Ф.М.] Достоевского: по материалу «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: дис. … канд. ист. наук / У.С. Любятинская. – М., 2006.
18. *Миллер, О.Ф.* Русские писатели после Гоголя / О.Ф. Миллер. – Ч. 1. – СПб., 1886.
19. *Мутовкин, А.А.* Жанры в арсенале журналистики: в 2 ч. Ч. 2: Художественно-публицистические жанры / А.А. Мутовкин. – Омск, 2006.
20. *Переверзев, В.Ф.* Творчество Достоевского: Критический очерк / В.Ф. Переверзев. – М., 1912.
21. *Черепахов, М.С.* Проблемы теории публицистики / М.С. Черепахов. – М., 1971.

УДК 821.161.1.09

Г.Г. Рамазанова

В.Г. БЕЛИНСКИЙ О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ «ВТОРОГО РЯДА» КОНЦА 30-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЗОРОВ «МОСКОВСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ»)

В статье анализируются библиографические обзоры В.Г. Белинского, опубликованные в журнале «Московский наблюдатель» в 1838 – 1839 гг., никогда прежде не становившиеся предметом отдельного рассмотрения. Сотрудничество с журналом пришлось на особый период духовной биографии Белинского, который называют периодом «примирения с действительностью». Особое миросозерцание критика в это время во многом определяло ракурс осмысления произведений писателей «второго ряда».

Проза писателей «второго ряда» П. Смирновского, П. Каменского, В. Владиславьева, поэзия Е. Бернета, А. Полежаева.